

ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА ЮСТИНИАНА I*

Игумен Герасим (Дьячков)

кандидат богословия
доцент кафедры церковной истории
141312, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
gerasimd@yandex.ru

Для цитирования: *Герасим (Дьячков), игум.* Церковная политика императора Юстиниана I // Церковный историк. 2020. № 2 (4). С. 36–67. DOI: 10.31802/СН.2020.4.2.002

Аннотация

УДК 27-9|0325/1054

В статье раскрываются многообразные черты личности и деятельности св. императора Юстиниана I (483–565) — выдающегося военачальника, правителя, законодателя, богослова, песнотворца ранневизантийского периода, посвятившего всю свою жизнь защите интересов Церкви, охранению ее единства и вероучения, а также распространению Православия в Империи и за ее пределами. Несмотря на то, что реальная политика Юстиниана была небезупречна (как и все в мире борьбы добра и зла), он являлся поистине христианским правителем, понимающим «царствование» одновременно как власть и служение в согласии с правилами и уставами Церкви. Рассматривая основные направления церковной политики св. Юстиниана и указывая на концептуально различные мнения историков и богословов в оценках его богословских взглядов и церковно-государственной деятельности, он отвергает попытки обвинить «могущественнейшего из императоров» в уклонении от святоотеческой веры, утверждая его Православие и святость в согласии с Церковью, прославившей Юстиниана в лике святых.

Ключевые слова: анафематствования, ариане, афтартодокетизм, варвары, василевс, готы, ереси, законотворчество, иерархия Церкви, император, империя, иудеи, манихеи, миссионерство, монофизиты, Ориген, оригенисты, Пятый вселенский собор, римское право, самаритяне, священство, симфония, служение, уния, халкидониты, царство, цезаропапизм, язычество.

* Сочинение, написанное на II курсе Московской духовной академии в 2000 году.

The Church Policy of Emperor Justinian I

Hegumen Gerasim (Dyachkov)

PhD in Theology

Associate Professor at the Department of Church History
at the Moscow Theological Academy

Head of the Department of Church History at the Tula Theological Seminary
Moscow Theological Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra,
Sergiev Posad, 141300, Russia
gerasimd@yandex.ru

For citation: Gerasim (Dyachkov), Hegumen. "The Church Policy of Emperor Justinian I". *Church Historian*, no. 2 (4), 2020, pp. 36–67 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2020.4.2.002

Abstract. The article reveals various features of the life and activities of Saint Emperor Justinian I (483–565) – a prominent military leader, ruler, lawmaker, theologian, hymnographer of the early Byzantine period, who dedicated all his life to protecting the interests of the Church, defending its unity and faith, and spreading Orthodox Christianity within the Empire and beyond. Although Justinian's real policy was not perfect (as nothing is perfect in the world where the good struggles with the evil), he was a true Christian ruler who understood «kingship» as power together with ministry, in accordance with the rules of the Church. The author observes the main directions of Justinian's policy and points out the divergency among historians and theologians in esteeming Justinian's theology and church policy, to refute the attempts to blame the «Most Powerful Emperor» with renouncing the faith of the Holy Fathers. Instead, the author maintains that Justinian was Orthodox and saint – in accordance with the Church which has canonized this emperor.

Keywords: anathemas, Aphantodocetism, Arians, barbarians, Basileus, caesaropapism, Chalcedonians, church union, emperor, empire, Fifth Ecumenical Council, Goths, heresies, hierarchy of the Church, Jews, kingship, lawmaking, Manicheans, ministry, missionary work, Monophysites, Origen, Origenists, paganism, priesthood, Roman law, Samaritans, symphonia.

Проблема отношений между Церковью и государством существовала издавна. Впервые она стала предметом обсуждений во второй половине V — начале VI в., когда византийский трон занимали императоры Василиск, Зинон и Анастасий. Эти императоры хотели государственными декретами кодифицировать веру Церкви, вмешиваясь, таким образом, в ее внутренние дела. В результате автономия Церкви и авторитет епископов, ответственных за состояние Православия, были значительно ослаблены. Предшественники Юстиниана заботились прежде всего о единстве империи, которое, в свою очередь, основывалось на единстве Церкви. Прецедентом императорских прав в отношении Церкви было их личное православие, а также тот факт, что они не использовали своей власти для антиканонических действий. В основе решения церковных проблем полагались интересы и совесть Церкви, а не выгода и произвол государства. Императоры Василиск, Зинон и Анастасий хотели силой и произволом решить церковные проблемы, не принимая во внимание мнение самой Церкви. В результате их религиозная политика потерпела полный провал.

В своей церковной политике император Юстиниан (527–565) не повторял ошибок предшественников. Как богослов, он понимал глубокий смысл церковных правил и постановлений Соборов, касающихся жизни Церкви и ее отношений с государством. Принимая империю в единоличное правление, Юстиниан ознаменовал это событие исповеданием веры в форме указа, обращенного ко всему населению империи. Изложив в краткой формулировке соборное учение о Святой Троице, Богородице и Богочеловеке, император предавал анафеме учение Нестория, Евтихия и Аполлинария, объявлял свою веру единой истинной и для всех обязательной, а всех разномыслящих — еретиками, подлежащими немедленной каре.

Свою религиозную политику Юстиниан основывал на принципе гармонии между Церковью и государством. Для Юстиниана вопрос не состоял, как для людей, живущих в XX в., в определении отношений «между Церковью и государством» как между двумя различными социальными институтами. Для него и то и другое совпадало в смысле географического распространения, общих целей и членства (гражданства). Во вступлении к 6-й новелле, адресованной в 535 г. патриарху Константинопольскому Епифанию, Юстиниан четко сформулировал основной принцип византийской политической системы:

Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, это священство (*ἱερωσύνη*, *sacerdotium*) и царство (*Βασιλεία*, *imperium*).

Первое служит делам Божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое, со своей стороны, постоянно молится за них Богу. Когда священство беспорочно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие и все, что есть доброго и полезного, будет даровано человечеству. Мы заботимся и о хранении православной веры, и о благоустроении священства, чем надеемся получить великие блага от Бога и соблюсти твердый порядок в государстве, а также обрести то, чего еще не достигли. Хороший конец всегда увенчивает вещи, предпринятые должным богоугодным образом. Здесь тщательно соблюдаются священные каноны, которые завещали нам славные апостолы, досточтимые свидетели и служители Божии, и которые сохранили и разъяснили святые отцы¹.

Это было одновременно и резюме, и программой.

Юстиниан говорил не о государстве и Церкви, а о двух служениях или двух представительствах, установленных в христианском содружестве. Они были равно утверждены Божьей властью, утверждены с единой конечной целью. Как «дар Божий», царство (*imperium*) независимо от священства (*sacerdotium*). Но оно зависимо и подчинено по отношению к той Божественной цели, ради которой создавалось. Эта цель — хранение христианской истины, содействие её утверждению. Хотя империя как таковая не подчинялась иерархии, она всё же подчинялась Церкви, которая была установлена Богом для хранения истины. Другими словами, царство было «законно» только внутри Церкви. Во всяком случае, оно было строго подчинено вере Христовой, определялось наставлениями апостолов и отцов и в этом смысле «ограничивалось» ими. Авторитет императора в Содружестве зависел от его положения в Церкви, соблюдения им ее вероучительных и канонических установлений. *Imperium* — одновременно и власть, и служение. Каким быть этому служению, определяли правила и уставы Церкви. В клятве при коронации император должен был исповедать православную веру и дать обет послушания определениям церковных соборов. Это не являлось пустой формальностью. Император Юстиниан всеми силами старался быть «христианским правителем», способствовать делу Христову, хотя реальная его политика, конечно, небылоупречна. Он считал, что император должен «охранять» веру и Церковь всеми доступными ему методами,

1 Цит. по: Флоровский Г., *прот.* Догмат и история. М., 1998. С. 267–268.

в том числе «мечом», но прежде всего соответствующим законодательством. Принцип гармонии исключал возможность расхождения между государственными законами и церковными канонами. Поэтому император Юстиниан возвел церковные каноны в ранг государственных законов. В случае расхождения между ними предпочтение отдавалось церковным канонам. «Мы объявляем недействительными все законодательные меры, противоречащие церковным канонам и введенные в интересах политических интриг»².

Возникает вопрос: существовала ли в действительности полная гармония в отношениях Церкви и государства? Однозначный положительный или отрицательный ответ на этот вопрос дать невозможно. За время долгого правления Юстиниана ему приходилось принимать участие в решении многочисленных церковных проблем. Этот интерес императора к жизни Церкви и его участие в церковных делах по-разному объяснялись исследователями³. Часть историков — враждебная к Византии в целом — считает его теоретиком цезаропапизма и в этом цезаропапизме усматривает источник всех зол в истории православного Востока. Другая же, напротив, утверждает в Юстиниане творца «симфонии», то есть истинно православной теории о соотношении Церкви и государства, а насилия и войны его царствования толкует как неизбежные на земле отступления от правил. Протопресвитер Александр Шмеман считал, что «роковой характер Юстиниановой теории состоит в том, что в ней вообще нет места Церкви, что ставя христианство, искренно и по-своему глубоко, в основу всего государственного “делания”, великий император не увидел Церкви, и поэтому все свое

2 *Justinianus. Codex Iustinianus I, 2, 12 // The Codex of Justinian: A New Annotated Translation with Parallel Latin and Greek Text / ed. B. W. Frier. Vol. 1. Cambridge, 2016. P. 48.*

3 Так, А. Кнехт утверждал, что церковная политика Юстиниана осуществлялась в духе цезаропапизма, тогда как Ш. Диль характеризовал ее как «императорскую тиранию». Х. Гельцер также видел в церковной политике Юстиниана абсолютный цезаропапизм, называя Юстиниана «христианским халифом». Абсолютистский характер приписывали политике Юстиниана также Д. Бери, К. Амантос, В. Стефанидос, Д. Закитинос и другие исследователи. Ф. Г. Савагоне утверждал, что в правление Юстиниана Церковь сделалась слугой государства, особенно благодаря их союзу. Подобные суждения были в основном восприняты и развиты римскими католическими историками. В противоположность названному учёным другие историки считают, что церковная политика Юстиниана не находилась в противоречии с традициями Церкви и не ставила своей целью последовательное подчинение Церкви государству. Эту точку зрения разделяют А. Аливицатос и Б. Бионди. Принцип гармонии между Церковью и государством признан также Дж. Гаудеметом и В. Фидасом (см.: *Геростергиос Астериос*. Юстиниан Великий — император и святой. М., 2010. С. 141–143).

понимание христианского мира вывел из ложных предпосылок»⁴. «Теория Юстиниана, — писал он, — укоренена в теократическом сознании языческой Империи, для которого государство есть священная и абсолютная форма мира, его смысл и оправдание... В “синтезе” Юстиниана Церковь как бы растворяется, из государственной психологии окончательно исчезает сознание ее коренной “иноприродности” миру и Царству. Первая глава в истории христианского мира завершается победным возвратом в него языческого абсолютизма»⁵. Мы процитировали высказывания протопресвитера Александра Шмемана не случайно: в них, на наш взгляд, не только суммированы, но и наиболее чётко, может быть даже в несколько обостренной форме, выражены мнения историков, наклеивших на византийскую политическую систему унизительный ярлык «цезаропапизма». Конечно, замечания протопресвитера Александра Шмемана во многом справедливы, но необходимо иметь в виду, что хотя Церковь есть царство не от мира сего, но она в мире. Отличие природы Церкви от природы государства и различия в средствах к достижению своих целей Церковью и государством — недостаточные основания для обвинения императора Юстиниана в цезаропапистской политике. Обвинение в цезаропапизме отвергается многими компетентными византологами как полное непонимание исторической ситуации, как анахроническое предубеждение. Действительно, император был правителем в христианском обществе, в том числе и в религиозных вопросах. Однако он никогда не правил самой Церковью.

Прежде чем приступить к конкретному исследованию направления церковной политики императора Юстиниана, скажем несколько слов о некоторой богословской сбивчивости эсхатологической перспективы теории симфонии церковно-государственных отношений, сформулированной императором Юстинианом во вступлении к 6-й новелле. Юстиниан не смог определить, как эта симфония (συμφωνία, согласие) будет установлена между такой эсхатологической реальностью, как Царство Божие, явленное в Церкви и таинствах, с одной стороны, и, с другой, — такими неизбежными в обществе «человеческими делами», как насилие, войны, социальное неравенство и т. д., которые государство само по себе не может преодолеть или избежать. Так что во вступлении к 6-й новелле описывается не более чем стремление к идеалу, мечта. Может быть, именно поэтому верно высказывание протоиерея Георгия Флоровского о том, что «история Византии в некотором смысле

4 Шмеман А., *прот.* Исторический путь Православия. Париж, 1989. С. 189.

5 Там же. С. 197.

была авантюрой, неудачным и, возможно, неуместным экспериментом в христианской политике»⁶. Во вступлении к 6-й новелле есть и богословская ошибка: в Новом Завете не содержится ни одного слова, подразумевающего возможность достижения некоей неподвижной, статичной симфонии между Царством Божиим и миром; скорее, все его содержание указывает на неизбежность постоянного напряжения между частичными, неадекватными и несовершенными достижениями человеческой истории и абсолютным чаянием нового мира, где Бог будет все и во всем. Во время Юстиниана, как и во время его предшественников, это напряжение выражалось гораздо больше в монашеском движении, чем в законах типа 6-й новеллы или политической деятельности.

Кратко проанализировав теоретические представления о симфонических отношениях между Церковью и государством, выраженные императором Юстинианом во вступлении к 6-й новелле, и указав на основные тенденции в подходе историков и богословов к изучению проблемы симфонии церковно-государственных отношений в эпоху императора Юстиниана (527–565), мы приступаем к конкретному исследованию различных событий истории византийского государства и их роли и значению в жизни Церкви. В центре нашего внимания прежде всего будет политика императора Юстиниана в отношении к Церкви.

В церковной политике императора Юстиниана условно можно выделить два основных направления — охранение интересов Церкви и распространение ее учения. Объем данной работы позволяет рассмотреть труды Юстиниана лишь по отдельным церковным проблемам, как-то: борьба с нехристианами, миссионерская деятельность и уникальная политика императора. Изучение истории храмостроительства и законодательной деятельности императора Юстиниана выходит за рамки настоящего исследования, составляет отдельную тему и отвечает больше предмету Церковной археологии и искусства и Церковного права. Мы коснемся и этих вопросов, но только в той мере, какая определена темой нашего сочинения.

Стремление Юстиниана к единству выразилось прежде всего в беспощадном подавлении всех религиозных «инакомыслящих». По его определению, еретиками были не только христиане, сбившиеся с пути Православия (Арий, Несторий, монофизиты и др.), но также и язычники, иудеи, самаритяне, монтанисты, манихеи. Иногда он делал различие между еретиками, иудеями и язычниками, из чего явствует, что он не использовал термина «еретик» в строгом смысле. Так, он говорит о тех,

6 *Флоровский Г., прот.* Догмат и история. С. 267.

кто является еретиками и, более того, — язычниками, иудеями, самаритянами и подобными им. В другом случае мы узнаем, что император считал еретиками не только уклонившихся от православной веры, но и тех, кто обладал какими-либо отличиями в церковной практике⁷. Согласно представлениям Юстиниана, еретики были врагами не только Церкви и государства, но и Бога⁸.

В качестве одной из главных своих обязанностей по отношению к Церкви Юстиниан рассматривал обуздание нехристиан — язычников, иудеев, самаритян и манихеев, а также всевозможных еретиков. Ещё совместно с Юстином он издал указ о еретиках, в котором было следующее положение: «Справедливо лишать земных благ того, кто неправильно поклоняется Богу»⁹. В том же указе выражено твёрдое решение не только искоренить язычество и манихейство, но и всякую ересь вообще, а также иудейство и самаритянство. Всем еретикам был предоставлен трёхмесячный срок на возвращение в лоно Православной Церкви, а все храмы еретических общин подлежали передаче православным. Исключение было сделано только в пользу ариан, эксопланитов¹⁰, как их называли в Константинополе, ввиду соглашения с Теодорихом во время приезда папы Иоанна в 525 году, а равно и того обстоятельства, что арианство было национальным исповеданием готов, которые занимали первое место в составе федератов империи. Многие указы императора, относящиеся к 527 или 528 г., очень ясно выражают принципы его политики. Его законы устраняют еретиков от занятия общественных должностей, гражданских, военных и даже муниципальных. Никто не может быть принят на государственную службу, если его православие не будет засвидетельствовано тремя свидетелями под присягой на Евангелии. Закон возбранял еретикам заниматься адвокатурой и запрещал им быть профессорами «из опасения, чтобы они своим преподаванием не вовлекли простые души в свои заблуждения»¹¹. Им было запрещено всякое отправление культа. Они были лишены права быть свидетелями на суде против православных, ограничены в праве наследования, и, за отсутствием православных родственников, имущество еретика должно было переходить в государственную собственность.

7 *Геростергиос Астериос*. Юстиниан Великий — император и святой. С. 102.

8 Там же. С. 105.

9 *Кулаковский Ю. А.* История Византии: в 3 т. Т. 2. СПб., 1996. С. 49.

10 Термин «эксопланиты» происходит от выражения *πλανάω ἔξω* «блуждать вне», то есть заблуждаться.

11 *Диль Шарль*. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. СПб, 1908. С. 561.

Были изданы новые законы, направленные на искоренение язычества. Юстиниан требовал от префектов и епископов, чтобы все нарушения, которые допускают языческие религии, были тщательно исследованы. Строгость законов была такова, что неповивающимся и сохраняющим приверженность языческим убеждениям угрожала смертная казнь. В основном к язычникам применялись те же законы, что и ко всем другим «инакомыслящим». Эти узаконения уже указаны нами выше. «Впрочем, все эти законы не составляют чего-нибудь нового в истории римско-византийского законодательства, — писал профессор Московской духовной академии В. А. Соколов, — они суть только развитие и более строгое применение того, что уже существовало»¹².

В 529 г. Юстиниан отправил в Афины эдикт, «которым запрещалось преподавание философии и толкования римского права»¹³. Юстиниан закрыл языческую школу философии в Афинах, существовавшую там со времен Платона и Аристотеля. Правда, некоторые историки видят причину закрытия Афинской школы в другом. «Создается впечатление, — пишет Астериос Геростергиос, — что школа была закрыта из-за недостатка средств и что учителя и ученики расстались в надежде на возобновление занятий в будущем. Как замечает Агафий, учителя ушли в Персию не потому, что они были высланы Юстинианом, как это часто предполагается, и не потому, что школа была им закрыта, но потому, что “им не нравилась религия [христианство], преобладающая в Римской империи” (PG. 88. Col. 1390B). Впоследствии эти учителя, разочаровавшись, вернулись из Персии в Римскую империю»¹⁴. Закрытие Афинской школы философии многими историками рассматривалось как событие мирового значения, а поступок Юстиниана вызывал самую жестокую критику. Однако так мыслить может лишь человек совершенно нецерковный. Афинская философская школа была рассадником язычества, а Юстиниан, как христианский правитель и преданный член Церкви, не мог финансово поддерживать и защищать людей, преподававших теории, направленные на свержение господствующей религии и способные вызвать народные волнения и беспорядки в государстве. Закрытие и исчезновение Афинской школы не вызвало никакого шока в греко-римском мире, тем более что примерно в это же время в Константинополе был открыт первый христианский университет.

12 Соколов В. А. Влияние христианства на греко-римское законодательство. СПб., 1878. С. 252.

13 Успенский Ф. И. История Византийской империи, VI–IX вв. М., 1996. С. 323.

14 Геростергиос Астериос. Юстиниан Великий — император и святой. С. 113.

Законы Юстиниана против язычников, рассмотренные в целом, производят впечатление очень суровых и грубых. Применялись ли эти законы полностью или нет? Тот факт, что в высшем аристократическом обществе столицы было немало язычников (юрист Трибониан, секретарь сокровищницы Иоанн Каппадокийский, историк Прокопий и др.), дает основание утверждать, что законы Юстиниана против язычников соблюдались не очень строго. Если отдельные язычники не были откровенно настроены против Церкви, то их оставляли в покое. Но когда язычество проявлялось в виде отдельных групп с организованными празднествами, тогда Юстиниан вмешивался и неумолимо уничтожал эти группы. Так было в оазисе Аушла в Египте, где существовал храм, посвященный Аммону-Зевсу, и статуя Александра Великого, которой регулярно приносились жертвы. Юстиниан разрушил этот языческий обычай и построил церковь, посвященную Богоматери. Более того, применив силу, он покончил с поклонением Озирису и Изиде, процветавшим на острове Элефантин в Египте¹⁵. Используя средства просвещения, Юстиниан обратил в христианство язычников провинций Малой Азии — Фригии, Лидии, Карии. Он послал туда епископа Иоанна Эфесского, который писал, несколько преувеличивая, что он обратил там 100 000 человек¹⁶. Юстиниан стремился сокрушить язычество в его обрядах и философии по отдельности, и в этом он достиг блестящих результатов. Конечно, полного уничтожения язычества не произошло, и следы его обнаруживаются ещё в VII в. Однако Юстиниан нанёс веками устоявшимся структурам язычества решающий удар. Их место в империи было занято Церковью Христовой.

Наибольшую ненависть питал император Юстиниан к манихеям. Он издал закон, по которому манихеи не имели права жить на территории империи, а если они где-либо появлялись или обнаруживались, то должны были быть казнены. Появление и распространение влияния манихейства в империи, центром которого была Персидская империя, враждебно настроенная к Восточной Римской империи, Юстиниан рассматривал как угрозу государственной безопасности. Борясь с манихейством, Юстиниан защищал Церковь и империю от персидской угрозы и влияния¹⁷. Монофизитский епископ Иоанн Эфесский сообщает следующее: «Многие были привержены смертным ошибкам

15 *Геростергиос Астериос*. Юстиниан Великий — император и святой. С. 114–115.

16 *Дворкин А. Л.* Эпоха императора Юстиниана и V Вселенский Собор // *Альфа и Омега*. 1997. № 1 (12). С. 345.

17 *Геростергиос Астериос*. Юстиниан Великий — император и святой. С. 131.

манихеев. Они собирались и слушали тайны этого нечистого учения. Арестованных приводили к императору, который надеялся обратить их. С сатанинским упорством они бесстрашно кричали, что готовы быть посаженными на кол и претерпеть любые мучения за религию Мани. Император приказывал, чтобы с ними поступили, как они хотели. Их сжигали на море, чтобы они могли быть погребены в волнах, а имущество их конфисковывалось. Среди них были знатные женщины, вельможи, сенаторы»¹⁸. Монтанисты, не дожидаясь правительственных казней, сами сжигали себя.

Иудейство в государственной системе Юстиниана было терпимой религией, но статус гражданства в Византии последователь иудейства получить не мог¹⁹. В начале своего правления император не трогал иудеев и не пытался принудить их к принятию христианства. Юстиниан подтвердил не только законы своих предшественников, покровительствовавшие иудейскому меньшинству, но и законы, не благоприятствовавшие ему. Законодательство Юстиниана относило иудеев к категории еретиков. Политика императора Юстиниана в отношении иудейства была умеренной. Возможно, она продолжалась бы до конца его правления, если бы сами иудеи не спровоцировали вмешательство Юстиниана в их внутренние дела. 7 февраля 553 г. была издана новелла, темой которой были конфликты между иудеями, возникшие из-за разногласий по вопросу о том, на каком языке следует читать Священное Писание в синагогах. Имея в виду возможность обращения иудеев в христианство, император объявил, что они могут свободно использовать в синагогах тот перевод Ветхого Завета, который им более понятен, но при этом они должны «принимать во внимание содержащиеся в них [священных книгах] пророчества» о «великом Боге и Спасителе рода человеческого — Иисусе Христе»²⁰. Знающим греческий язык император предписывал чтение Септуагинты, поскольку верил, что этот перевод был осуществлен по божественному вдохновению. Употребление Талмуда и Мишны запрещалось для того, чтобы отвлечь иудеев от их традиций и постепенно приблизить их к обращению в христианство. Юстиниан ввёл смертную казнь для последователей иудейских

18 *Joannes Ephesius. Historia ecclesiastica II* // Рус. пер. цит. по: *Геростергуос Астеруос*. Юстиниан Великий — император и святой. С. 132.

19 *Васильев А. А.* Лекции по истории Византии. Т. 1. Петроград, 1917. С. 146.

20 См.: *Justinianus. Novellae CXLVI* // *Corpus Iuris Civilis*. Vol. 3: *Novellae* / ed. R. Schoell, W. Kroll. Berolini, 1912. P. 714:14–19; *Геростергуос Астеруос*. Юстиниан Великий — император и святой. С. 120.

еретических сект, отрицавших Воскресение, будущий Суд и существование ангелов. Эти еретики выступали не только против иудейской веры, но и против веры Церкви. В надежде на обращение иудеев в христианство Юстиниан призывает их внимательнее читать Священное Писание. Как видим, иудеи не преследовались и не принуждались к обращению в христианство, как язычники. Юстиниан стремился обратить их более умеренными средствами.

Другим религиозным меньшинством, к конфликту с которым пришёл Юстиниан, были самаритяне. Как и все иноверцы, самаритяне считались врагами православной веры и государства. Поэтому вышеназванные законы против нехристиан относились также и к ним. Специальный закон запрещал самаритянам иметь синагоги. Возмущенные политикой императора, самаритяне неоднократно вооружались против палестинских христиан. Юстиниан неоднократно брал христиан под свою защиту. В 529 г. самаритяне произвели восстание. Под предводительством избранного ими царя Юлиана они сжигали церкви и монастыри и сеяли в Палестине ужас и разрушения. Юстиниан, получив известия о таких злодеяниях самаритян, немедленно отправил против них войско, которое рассеяло мятежников и убило их царя Юлиана. Но самаритяне придумали другой способ мщения христианам. Один самаритянин, Арсений, знатный родом, живя в Константинополе, успел заслужить любовь и доверие императора и императрицы. Услышав, что отец его Сильван убит скифопольскими христианами за возмущение против них, он явился к императору и убедил его в том, что виновники возмущения самаритян — палестинские христиане, которые поэтому и достойны самого тяжелого наказания. Император поверил клевете и разгневался на христиан. Тогда иерусалимский патриарх Петр поспешил отправить посланника к императору для убеждения, что христиане обвинены ложно. Посланник патриарха святой Савва изложил императору о событиях в Палестине и о всех кознях самаритян, направленных против христиан. Юстиниан послал против самарян войско с повелением разорить капища самаритян и их самих изгнать из государства²¹.

Позднее, 14 июня 551 г., под воздействием доброго и милостивого епископа Кесарии Сергия, убедившего Юстиниана в том, что самаритяне изменились и что отныне он сможет держать их под контролем, Юстиниан издал закон, объявлявший недействительными все

21 См.: Курганов Ф. Император Юстиниан и его отношение к Церкви // Православный собеседник. Ч. 2. Казань, 1880. С. 6–11.

прежние законы против самаритян²². Отныне самаритяне могли распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению. Между прочим, в предисловии к закону Юстиниан просит самаритян с любовью и уважением относиться к епископу Сергию. Этот факт свидетельствует в пользу того, что в своей религиозной политике император испытывал значительное влияние церковных пастырей. Однако, несмотря на значительные изменения в политике императора Юстиниана, благоприятствовавшие самаритянам, они снова составили заговор и подняли восстание в 555 г. Это восстание было утоплено в крови; их права были ограничены еще больше, чем права иудеев²³.

Как видим, император Юстиниан делал всё возможное для того, чтобы православная вера стала верой всех подданных его империи. Для достижения этой цели он использовал как метод убеждения, так и меры законодательного характера. Еретические сообщества, открыто выступавшие против императорской власти, заставляли Юстиниана поступать с ними со всей строгостью. Суровые законы в действительности не всегда применялись буквально, поскольку их целью было не уничтожение граждан государства, а обращение в православную веру. Тот факт, что Юстиниан преследовал не только «инакомыслящих», но и недостойных представителей Церкви, говорит об искренности и последовательности его религиозных и политических убеждений и стремлений.

Византийский хронист Иоанн Малала восхваляет императора за политику распространения христианства среди варварских народов. Малала прославляет такой акт церковной политики Юстиниана, как прощение гуннов, живших близ Боспора. В начале царствования Юстиниана их король Грод прибыл для принятия крещения в Константинополь. Вернувшись в Крым, он начал активные действия против языческой религии. Грод был убит возмущившимися язычниками. Юстиниан, прибегнув к силе, заставил их признать византийское владычество²⁴.

Благодаря усилиям императора германцы и герулы, спустившиеся вниз по Дунаю, стали христианами и союзниками Византии. Король герулов Греспес вместе с двенадцатью родственниками и представителями

22 *Геростергиос Астериос*. Юстиниан Великий – император и святой. С. 128–129.

23 *Дворкин А. Л.* Эпоха императора Юстиниана и V Вселенский Собор. С. 345.

24 См.: *Ioannes Malalas*. *Chronographia* XVIII, 14:1–27 // CFHB. Series Berolinensis. 35. S. 360–362. См. также: *Theophanes Confessor*. *Chronographia* // *Theophanis chronographia* / hrsg. von C. de Boor. Bd. 1. Leipzig, 1883 (Hildesheim, 1963). S. 175:24–176:17; *Georgius Cedrenus*. *Compendium historiarum* // *Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope* / hrsg. von I. Bekker. Bd. 1. Bonn, 1838. (CSHB). S. 644:13–645:6; *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана. М., 1996. С. 198.

знати явился в Константинополь для принятия крещения. Восприемником был сам император Юстиниан²⁵. То же произошло и с разбойничьим племенем Цани в Малой Азии, соседями лазов. Юстиниан построил им храмы и обязал их посещать богослужения. Наряду с этим он приучал их к торговле и земледелию²⁶.

Император Юстиниан вступил в отношения с одним из начальников племен, кочевавших на юг от византийских владений. Арефа согласился поступить на службу империи и держать в известном подчинении соседних шейхов. Под начальство филарха Арефы Юстиниан поставил все племена Сирии. Арефа и его подданные исповедовали монофизитство. В 543 г. он получил разрешение на учреждение епископской кафедры в Востроне с распространением ее юрисдикции на Аравию и Палестину. В том же году Александрийским патриархом-монофизитом Феодосием для окормления монофизитов Востока был направлен Феодор, епископ Востронский и Южный, а также Иаков Барадей, организатор сирийского монашества, как епископ Эдесский, подвизавшийся и в Египте²⁷. Юстиниан заставил Арефу дать в заложники сына и воспитал его в Константинополе. Каис, внук Арефы, также был христианином. Таким образом, в Аравии постепенно распространялась византийская образованность и христианство и, вместе с тем, пресекалась для Персии возможность распространять здесь свое политическое влияние.

Миссионерская деятельность Юстиниана простиралась и на государства, зависимые от Персии. В арабском государстве с центром в Гире (на реке Евфрат) жило очень много христиан. Глава гирского государства эмир Аламундар (505–554) был ревностным поклонником древних семитических божеств. Однажды он предал жертвенному закланию 400 христианских дев. В царствование императора Анастасия со стороны Антиохийского монофизитского патриарха Севера были попытки склонить Аламундара к принятию христианства, которые, впрочем, не увенчались успехом. Монофизитские епископы, посланные Севером, изложили Аламундару учение о том, каким образом Божественная природа, тесно соединённая во Христе с человечеством, пострадала

25 См.: *Joannes Malalas. Chronographia* XVIII, 6:1–9 // CFHB. Series Berolinensis. 35. S. 356; *Theophanes Confessor. Chronographia* // *Theophanis chronographia* / hrsg. von C. de Boor. Bd. 1. Leipzig, 1883 (Hildesheim, 1963). S. 174:27–175:5; *Georgius Cedrenus. Compendium historiarum* // *Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope* / hrsg. von I. Bekker. Bd. 1. Bonn, 1838. (CSHB). S. 643:10–15.

26 *Диль Шарль*. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. С. 394.

27 *Нелюбов Б. А.* Древние Восточные Церкви. Сергиев Посад, 1972. С. 53. (Машинопись.)

на Кресте. Слушая их, Аламундар опечалился. Когда его спросили, почему он печален, Аламундар ответил: «Потому что мне сообщили сейчас, что архангел Михаил умер». Епископы стали кричать и доказывать, что это совершенно невозможно. Тогда Аламундар сказал: «Итак, если ангел не может умереть, то как же вы мне рассказываете, будто божество страдало и умерло вследствие своего соединения с плотью и смешения двух природ в одну?» После этого он не пожелал их слушать. А вот жена Аламундара исповедовала христианство. Аир, сын Аламундара, был христианином и правил гирским государством с 554 по 568 г. Возможно, он принял христианство в царствование Юстиниана²⁸.

Не менее успешна была политика Юстиниана в Йемене и Абиссинии. Здесь, прежде всего, обращало на себя внимание царство омиритов, или Гимаир, где христианство пустило корни ещё раньше правления Юстиниана и где церковная организация подверглась опасности со стороны язычников, находивших поддержку в Персии. Византия оказала покровительство христианам, жившим в земле омиритов, и поощрила притязания абиссинского царя на эту область.

Абиссинский царь Елесваан низверг династию местных царей и посадил своего наместника. Будучи убеждённым христианином, Елесваан послал в Аравию проповедника. Аравия была открыта влиянию монофизитской Церкви при посредстве Абиссинии²⁹.

В 540 г. монофизитский священник Юлиан, поддерживаемый императрицей Феодорой, отправился с богатыми дарами в Нубию и представился царю Силко, который крестился со всем народом и предоставил себя на службу империи. После победы над блеммидами³⁰ был разрушен языческий храм в Филе (541–542). Поставленный здесь епископ Феодор был первым христианским миссионером в Верхнем Египте. Языческие храмы стали приспособлять к христианскому богослужению. Вся местность от Филе до Мерое, обращенная в христианство, признала власть Юстиниана. Благодаря преемнику Феодора по нубийской миссии Лонгину, Евангелием были просвещены алоды и макуриты³¹.

В VI в. византийское государство поддерживало торговые отношения с Индией и Китаем. Аксумиты, обитатели внутренней Индии, просили Юстиниана о просвещении их светом Христовой веры. Император

28 *Диль Шарль*. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. С. 397–398.

29 *Успенский Ф. И.* История Византийской империи, VI–IX вв. С. 312.

30 Блеммиды, блемии – кочевое нубийское племя. Жили примерно в III в. до н. э. – VI в. н. э. между Нилом и Красным морем.

31 *Диль Шарль*. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. С. 408–410.

послал к ним епископа с клиром, которые сначала научили их истинам веры, а потом просветили Святым Крещением³². Дипломатические отношения с Китаем также благоприятствовали распространению там христианства. Христиане встречались не только в Китае, но и на Цейлоне.

Кавказские племена скимнов и сванетов, апсил, мисимиян, абхазов, зихов (адыгов), санигов и аланов были обращены в христианство либо вследствие соприкосновения с лазами, которые были крещены ещё при Юстине I, либо непосредственно, как абхазы, проповедью миссионеров, посланных Юстинианом. Агафий Миринейский сообщает, что для поддержки их верности император Юстиниан ежегодно отпускал им значительные пособия³³.

Иоанн Малала неустанно подчёркивает, что Юстиниан, придавал столь большое значение миссионерской деятельности, постоянно был восприимчивым при крещении варварских правителей³⁴. Юстиниан, горячо желая распространить христианство среди языческих народов и даже в странах, которые были неизвестны его предшественникам, призывал к христианской миссии своих союзников. Он заботился о новообращенных, не только живших в самой империи, но и далеко за её пределами, строил им храмы, выделял субсидии и т. д. «Миссионерская деятельность Юстиниана, — пишет Шарль Диль, — распространение Православия и цивилизации от оазисов Сахары до гор Кавказа и из недр Абиссинии до берегов Дуная»³⁵. Христиане, как мы уже отмечали, встречались даже в Китае и на Цейлоне.

При внимательном рассмотрении проблем христианской миссии в эпоху императора Юстиниана необходимо отметить значительную роль монофизитов в распространении христианства. Монофизиты, неоднократно притесняемые Юстинианом, вынуждены были основывать христианские общины на периферии империи и за ее пределами. Но это только одна из причин распространения христианства монофизитами. Известно, что иногда монофизитские проповедники были посылаемы на проповедь самим Юстинианом. В чем же причина двойственной политики Юстиниана по отношению к монофизитам? Прежде всего в том, что помощницей его в этой двойственной политике была его жена Феодора, покровительствовавшая монофизитам. Есть и другая причина, объясняющая, почему Юстиниан то подвергал жестоким

32 *Joannes Malalas. Chronographia XVIII, 15:1–34 // CFHB. Series Berolinensis. 35. S. 362–363.*

33 *Диль Шарль. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. С. 390–391.*

34 *Joannes Malalas. Chronographia XVIII, 21:7–9 // CFHB. Series Berolinensis. 35. S. 366.*

35 *Диль Шарль. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. С. 30–31.*

гонениям монофизитов, то вступал в переговоры с ними о религиозной унии и даже не препятствовал монофизитской миссии в империи и за ее пределами. Колебания императора Юстиниана в отношениях с монофизитами обусловлены не только внутренней политикой вероисповедного единства империи — по времени эти колебания совпадают с западным или восточным курсом его внешней политики. Кратко проследим эту связь. Пока внешнее положение было сравнительно спокойным, Юстиниан подвергает монофизитов гонениям (518–527), но боязнь за восточные провинции во время войны с иранским шахиншахом Кавадом (527–531) заставляет его обратиться к переговорам об унии (529–530) и одновременно к преследованию «эллинства»; война за Италию, православное население которой необходимо было привлечь на сторону Византии, делает его снова гонителем монофизитов (536 г.), но война с иранским шахиншахом Хозроем в 540 г. опять заставляет обратиться к унии, после чего Юстиниан (с 543 г.) делает все большие уступки монофизитам³⁶.

Один из важнейших фактов церковной политики Юстиниана — завершение «акакианского раскола», длившегося около 35 лет со времени Энотикона (482 г.). В 518 г. в Константинополе был собран Собор, который изверг из сана монофизита патриарха Севера Антиохийского. Север и его сторонники бежали в Египет. Полемика по вопросу о тленности и нетленности тела Христа разделила монофизитов на две партии — сторонников Севера, говорившего о тленности, и сторонников Юлиана, верившего в нетленность тела Христова до воскресения. «Акакианский раскол» по существу закончился.

Юстиниан предпринял ряд мер для формального аннулирования раскола, послав от имени своего дяди Юстина письма папе Гормизду. В письмах выражалось желание восстановить общение с Римской Церковью. В результате дипломатического вмешательства Юстиниана был достигнут компромисс между Константинопольской и Римской Церквями. Из церковных диптихов были вычеркнуты имена патриархов Акакия, Фравита, Евфимия и Македония. Однако притязания римского папы на исключительность вероучительного авторитета Римской кафедры были отвергнуты. Более того, *de facto* «восточные» проигнорировали папские требования. Имена патриархов Евфимия и Македония были вновь внесены в диптихи. Их почитание как святых исповедников возобновилось сразу после отъезда легатов из Константинополя.

36 Дьяконов А. П. Византийские димы и факции в V–VII вв. // Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 219.

Акакий в ряде агиографических памятников упоминается как «блаженный». Но, как бы то ни было, единство с Римом было восстановлено.

Юстиниан не остановился на достигнутом. Еще при Юстине он мечтал о восстановлении Римской империи в ее прежнем единстве и величии и, в частности, о воссоединении отторгнутых варварами западных провинций. Готы и вандалы стояли на дороге, препятствуя осуществлению планов Юстиниана, душа которого не могла выносить, «чтобы православные христиане под игом арианских властителей продолжали терпеть утеснения за веру»³⁷. В законе, изданном императором в 533 г., читаем следующее: «Об одном мы умоляем святую и славную Деву Марию, чтобы по ходатайству Ее удостоил Господь меня, Своего последнего раба, соединить с Римской империей то, что от нее отторгнуто, и довести до конца высочайший долг наш»³⁸.

Первый шаг к осуществлению широких планов мировлаительства был сделан в Африке. Религиозная вражда между местными христианами — кафоликами и вандалами арианского исповедания — здесь никогда не утихала. Поводом к вмешательству было свержение в 530 г. в Карфагене короля вандалов Хильдерика (523–530) своим племянником Гелимером (530–534). Сторонники Хильдерика, представители православного христианства, употребили все старания, чтобы вызвать вмешательство Юстиниана в африканские дела. Вслед за отвержением Гелимером требования императора восстановить Хильдерика или отпустить его на свободу в Константинополе решено было идти войной против Гелимера. Юстиниану необходимо было воспользоваться благоприятным моментом смуты в Карфагене и однажды навсегда покончить с арианским вопросом в Африке. В 534 г. Карфаген сдался. Юстиниан писал по этому поводу так: «Господь наградил меня Своей милостью, дозволив мне возвратить одну из Римских провинций и уничтожить народ вандалов. Теперь там будет господствовать единство веры»³⁹. В новелле, изданной после покорения Африки, Юстиниан выражает пожелание, чтобы Бог дал ему силы освободить и другую страну от господства ариан. В 555 г. окончательно была подчинена Италия. Среди новообразующейся аристократии римский епископ занял по праву почётнейшее место как хранитель преданий и блюститель народных интересов. Юстиниан дал епископам небывалые полномочия. Влияние городского епископа простиралось на управление, суд и полицию. Проводником

37 Успенский Ф. И. История Византийской империи, VI–IX вв. С. 268.

38 Там же. С. 270.

39 Цит. по: Там же. С. 272.

византийских церковных взглядов в Италии стал епископ Равенны. Равенне было суждено на долгое время стать центром политического и административного строя Италии. Пребывание в этом городе наместника, патрикия и экзарха обусловило то, что епископ Равенны пользовался милостями императора и увеличил доходы своей Церкви до громадных размеров. Ему принадлежали обширные земельные пожалования в разных частях Италии и Сицилии. К этому времени политического и материального возвышения города относится построение всемирно известных базилик Сан-Витале и Сан-Аполлинаре-ин-Классе⁴⁰.

Император Юстиниан очень много внимания уделял проблеме монофизитства. Основываясь в своих действиях на православных убеждениях, он стремился найти точки соприкосновения между православными и монофизитами. Предстояло выработать план, который бы, с одной стороны, не принижал решений Халкидонского Собора, а с другой стороны, мог бы удовлетворить отрицавших их монофизитов. Богословские попытки Юстиниана дать новое толкование решений Халкидонского Собора получили название «неохалкидонизма».

Греческий богослов, доктор Астериос Геростергиос в религиозной политике Юстиниана в отношении монофизитов выделяет три стадии, соответствующие тем средствам, которые применял император, стремясь привлечь монофизитов к Православной Церкви. Эти стадии следующие:

- 1) Период 518–536 гг., основной характеристикой которого была полемика между православными и монофизитами по поводу богословского тезиса «Один от Святой Троицы пострадал во плоти».
- 2) Период 536–553 гг., ознаменованный диспутом о «Трёх главах».

40 Здесь необходимо сказать несколько слов об изменении статуса других церковно-административных образований. В IV–V вв. Македония, входившая в состав префектуры Восточной Империи, в церковном отношении подчинялась то Риму, то Константинополю. В годы правления императора Юстиниана Скопийскому епископу были предоставлены права самостоятельного управления своим округом. Кафедра епископа Первой Юстинианы в 535 г. получила от императора статус автокефальной епископии во главе Дакийского диоцеза (*Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 2. С. 55*). Грузинские церковные деятели (епископ Кирион, впоследствии Католикос-патриарх; иеродиакон Илия, ныне Католикос-патриарх) считают, что до 542 г. Мцхетско-Иверские Предстоятели утверждались в своем звании Антиохийским Патриархом, но с этого времени Иверская Церковь грамотой греческого императора Юстина была признана автокефальной (*Шиолошвили К., иерод. Грузинская Церковь и попытка подчинить ее Римскому престолу // Православная мысль. № 1. Прага, 1959*).

3) Период 553–565 гг., когда Юстиниан старался провести в жизнь решения Пятого Вселенского Собора⁴¹.

Камнем преткновения на пути униональных попыток императора Юстиниана был Халкидонский Собор, признавший две природы во Христе. Для монофизитов это казалось большим нововведением. Зная о внутренних разногласиях среди монофизитов, император с самого начала сосредоточил свое внимание на партии Севера, которую составляли умеренные монофизиты⁴². Возможное решение проблемы

41 *Геростергиос Астериос*. Юстиниан Великий – император и святой. С. 150–151.

42 Монофизитство было представлено двумя партиями: 1) Умеренные монофизиты во главе с Севером, отвергавшие Халкидонский Собор под предлогом того, что он якобы был несторианским, но придерживавшиеся христологических позиций, полностью зависимых от святителя Кирилла Александрийского. Они официально отвергли Евтиха и соглашались с тем, что воплощенный Бог был «единосущен нам» в той же степени, что и «единосущен Отцу». Монофизиты считали, что Халкидон, признавая существование двух природ после соединения, неизбежно приводил к выводу, что Христос был не единой Личностью, а двумя, действующими независимо друг от друга. Север соглашался на еще более тонкое различие. Он признавал, что во Христе присутствовало Божество и человечество – две сущности (οὐσίαι), которые могут быть различимы умственно (ἐν θεωρίᾳ), что во Христе была двойственность свойств (ιδιώματα) этих двух сущностей, но что конкретно в Нем была одна природа, хотя эта природа была «сложносоставной в отношении плоти» (σύνθετος πρὸς τὴν σάρκα). Христос был Одним и Единым «деятелем» (ἐνεργῶν), одним Спасителем, Одним субъектом, и в этом для Севера и был смысл кирилловского тезиса «одна природа Бога Слова воплощенная. Сохраняя верность свт. Кириллу, но весьма фундаменталистским образом придерживаясь буквы, но не духа учения святителя, североанские отказывались видеть, что халкидонская формула была необходимой для противостояния опасности, содержащейся в «евтихианском» толковании святителя Кирилла. 2) Взгляд на Халкидон с антиохийских позиций, якобы выраженный Несторием, заявившим, что это как раз то, что он и имел в виду. Действительно, многие халкидонцы толковали орос собора как реабилитацию старых антиохийских позиций, выраженных Феодором Мопсуестийским, что давало монофизитам лишний повод обвинять Халкидон в несторианстве. Этих взглядов придерживались «неусыпающие» (Ἀχοίμητοι) монахи в Константинополе. Они выступали против термина «ипостасное единство» и против теопасхитских формул. Страдания Христа, утверждали они, относились лишь к Его «человечеству», к безличностной концепции. Их противники обвиняли их в отвержении термина «Богородица». Бескомпромиссная защита Халкидона монахами оказывала громадную помощь халкидонским иерархам столицы, что укрепляло их собственные позиции. Однако такие убеждения делали всю халкидонскую партию неприемлемой для монофизитов (*Мейендорф И.* Халкидониты и монофизиты после Халкидона // *Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата*. № 52. Париж, 1965. С. 223–236; *Оксюк М.* Теопасхитские споры // *Труды Киевской Духовной Академии*. 1913. Т. 1. С. 529–559; *Дворкин А. Л.* Эпоха императора Юстиниана и V Вселенский Собор // *Альфа и Омега*. 1997. № 1 (12). С. 342–372).

единства было подсказано движением скифских монахов (519–521), утверждавших, что согласие может быть достигнуто общим признанием известного богословского тезиса «Один от Святой Троицы пострадал во плоти». Поскольку Леонтий Византийский сделал возможным употребление этой формулы в не-аполлинариевом смысле и без противоречия Халкидонскому Собору, Юстиниан принял их как критерий Православия и как мост между халкидонитами и монофизитами. Выражение «один от Святой Троицы пострадал», впервые употребленное скифскими монахами, было включено в предисловие Юстиниановского Кодекса законов (528 г.), в песнопение «Единородный Сыне», составленное самим Юстинианом и ставшее своего рода христологическим исповеданием веры, и вошло в византийскую Литургию и во все вероучительные постановления того времени. Эта формула была принята даже в Риме в 534 г. Значение её в том, чтобы утвердить ипостасное единство существа Христа: христиане признают только одного Спасителя, воплотившегося Сына Божия, рождённого от Девы и умершего за нас, а никак не двух: Сына Божия и человека Иисуса. Один и Тот же был рождён предвечно от Отца и стал, по времени, Сыном Марии; Один и Тот же бессмертен по Своей божественной природе и умер за нас по плоти.

Подтверждение и принятие Православием теопасхитского декрета Юстиниана не сильно изменило положение, особенно в Египте. Уступкой монофизитству можно считать назначение на Александрийскую кафедру умеренного монофизита Феодосия. Народ и монахи не приняли Феодосия, противопоставив ему своего кандидата. В Константинополе в 535 г. был поставлен на патриаршую кафедру умеренный монофизит Анфим. Из постановлений Халкидонского Собора он признавал только осуждение Нестора. Православие поддерживалось в лице Антиохийского патриарха Ефрема. Он вступил в переписку с папой Агапитом. В 536 г. папа Агапит прибыл в Константинополь. Собор под председательством Агапита низвел Анфима с константинопольского престола. На его место папой был поставлен православный пресвитер Мина (536–552).

Итак, упорные попытки примирить православных с умеренными монофизитами, используя теопасхитский тезис скифийских монахов, не дали результата. Ни умеренность и терпимость, проявленные к монофизитам, ни издание декрета, в котором было достигнуто общее догматическое истолкование решений Четвёртого Вселенского Собора, ни возведение на патриарший престол промонофизитски настроенного Анфима, ни поддержка умеренного монофизита патриарха Феодосия Александрийского не в состоянии были вернуть монофизитов

к Православию. В 536 г. Юстиниан издаёт декрет, в котором предаются проклятию Север, Петр, Зоара, бывший константинопольский патриарх Анфим и вообще все монофизиты⁴³.

Впрочем, Юстиниан не оставил своей религиозной политики объединения и богословских попыток достичь возвращения монофизитов в лоно Православной Церкви. Дело началось с нового спора о богословии Оригена. Начиная приблизительно с 520 г. монастыри Палестины были охвачены спорами о мнениях Оригена. На стороне Оригена стояли насельники Новой Лавры, основанной святым Саввой Освященным. Споры переходили свои границы и доходили до частых побоищ и кровопролития. Патриархи Иерусалимский и Антиохийский не могли уладить это дело самостоятельно. Они обратились за помощью к императору. Свою борьбу с оригенистами, которые впоследствии в Палестине были разгромлены военной силой, Юстиниан начал с богословских трактатов. В 543 г. Юстиниан издал эдикт, в котором выразил своё суждение об Оригене, и направил его константинопольскому патриарху Мине. Последнему вменялось в обязанность самому подписать императорское постановление о правильном богословском суждении, а также потребовать подписей от всех епископов и игуменов монастырей. С таким же властным требованием этот эдикт был разослан другим патриархам и папе Василию. На этот раз все без особых осложнений подписали императорский указ. Эдикт был подписан пятью патриархами и утверждён соответствующими соборами. Утверждённый поместными соборами, эдикт Юстиниана приобрел значительную силу и нанес окончательный удар по полемике оригенистов. В постепенном разложении полемики оригенисты распались на две группировки — *isochristoi* и *protoktistoi*. Первые были сосредоточены на учении Оригена о предсуществовании, исходном равенстве и конечном восставлении всех духов. Они считали, что в будущей жизни души человеческие будут уравнены с душой Христа. Вторые, напротив, признавали превосходство души Христа, как первого творения. Узнав об этих новых идеях от настоятеля Великой Лавры Конона, Юстиниан в 545 г. написал остро-обвинительный трактат против оригенизма⁴⁴. В нём Юстиниан очень подробно разбирает и опровергает основные еретические положения Оригена. Относительно самого Оригена он приводит слова

43 Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 2. С. 200.

44 См.: Курганов Ф. Император Юстиниан и его отношение к Церкви // Православный собеседник. 1880. Ч. 2. С. 372–376; Геростергиос Астериос. Юстиниан Великий — император и святой. С. 167.

Феофила Александрийского: «Некоторые дерзнули сказать, что Ориген есть учитель Церкви. Следует ли быть к ним снисходительными? Если Ориген есть учитель Церкви, то хорошо рассуждают и ариане, и евномиане, и эллины: одни богохульно учат о Сыне и Духе, а другие, нечестуя подобно им, смеются и над воскресением мертвых... Итак, из сказанного ясно, — заключает Юстиниан, — что кто следует святым отцам, тот не блуждает, а также, что единомышленники Оригена следуют языческому заблуждению и арианскому безумию»⁴⁵. В конце своего трактата Юстиниан приводит краткие выдержки из учения Оригена. В заключение император Юстиниан прилагает 10 анафематизмов. Итак, оригенизм был осуждён. «Осуждение оригенизма в VI в., подготовленное долгим и бурным спором, было в сущности осуждением платонизма, противодействием острой платонизации богословской мысли. Но оно не было осуждением платонических тем и мотивов вообще. Оригенизм есть только один из видов христианского платонизма»⁴⁶, — замечает протоиерей Георгий Флоровский.

Ориген был осуждён, однако Феодор Аскида (оригенист, епископ Кесарии Каппадокийской), чтобы оправдаться от подозрений в несторианстве, предложил новые меры против «антиохийской» христологии. Он начал будоражить придворные круги программами этих новых мер. Эта идея весьма понравилась и Юстиниану, который думал, как достойно ответить на обвинения монофизитов в том, что Халкидон реабилитировал «друзей Нестория» Иву Эдесского и блаженного Феодорита Кирского. Таким образом, оригенистские круги оказались несколько искусственно объединёнными с проблемой «Трёх глав».

Замысел Феодора Аскиды удался. С разрешением этой проблемы император мечтал вернуть в лоно Церкви и империи обширные территории инородческой Азии и Африки. Чтобы быстрее достичь цели, Юстиниан решил разрубить этот узел автократическим методом. В 544 г. он издал эдикт, анафематствовавший каждую из «Трёх глав»:

- 1) Личность Феодора Мопсуестийского.
- 2) Писания Феодорита, направленные против Кирилла Александрийского и Ефесского Собора.

45 Деяния Вселенских Соборов. Т. V. Казань, 1868. С. 482.

46 Флоровский Г., *прот.* Догмат и история. С. 300. «Оригенизм можно определить как "ересь о времени". Проблематика оригенизма имеет не только историческое значение. Это некий повторяющийся тип мысли. Этим объясняется длительное и обновляющееся влияние Оригена» (Там же. С. 302).

- 3) Письмо Ивы Эдесского Марису Персянину, которое изображало примирение в 433 г. между Кириллом Александрийским и антиохийцами как его капитуляцию перед очевидностью терминологии антиохийцев.

Эдикт Юстиниана 544 г., который должен был, по замыслу, разрешить вопрос, скоро оказался недостаточным для действительного кафолического приятия императорского образа действия. Заколебался папа Вигилий (537–555). Он принял выжидательную позицию. Осенью 546 г. папа прибыл в Константинополь (Рим в 546 г. был захвачен новым королем готов — Тотилой). Поддерживаемый недовольством Запада против эдикта 544 г. и здесь встречаясь с подобными протестами, папа Вигилий всё больше утверждался в отрицательном отношении по поводу осуждения «Трёх глав».

Таким образом, на фоне монофизитства в империи возникло напряжение между Востоком и Западом. Юстиниан опасался нового разделения между Римом и Константинополем. Назрела необходимость созыва Вселенского Собора. Программой будущего Собора было императорское Исповедание Веры (551 г.). Попытаемся кратко изложить его содержание. Воспринимая позицию Халкидонского Собора, решительно осуждая всякое смещение (σύγχυσις) природ во Христе и отбрасывая северианское нежелание «считать число» (ἀριθμός) природ, Юстиниан, предлагает данное Леонтием понятие «сложной ипостаси» (ὕλοστασις σύνθετος), в которой и через которую сосуществуют обе природы и вне которой они являются только абстракциями. Он, однако, соглашается с Севером в том, что две природы следует различать не как «две вещи», а лишь «в слове и мысли» (λόγῳ μόνῳ καὶ θεωρίᾳ). Императорское Исповедание веры заканчивалось заявлением, что формула святого Кирилла «единая природа Бога Слова воплощенная» православна. Юстиниан пишет: «Мы принимаем выражение святого Кирилла, потому что всякий раз, как отец (Кирилл) его употреблял, он употреблял слово “природа” вместо слова “ипостась”»⁴⁷. Таким образом, по мнению Юстиниана, различие между святым Кириллом и Халкидонским Собором было чисто словесного характера и было неизбежным, потому что во времена Кирилла никто не видел никакой формальной смысловой разницы между словами ὕλοστασις и φύσις.

Собор собрался в Софии в 553 г. На первом заседании, проходившем под председательством Евтихия Константинопольского, было

47 Цит. по: Мейендорф И., *прот.* Халкидониты и монофизиты после Халкидона // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. № 52. Париж, 1965. С. 233.

зачитано письмо императора, написанное в несколько извинительном тоне. Юстиниан писал, что все его предыдущие действия — эдикты, имперское Исповедание Веры и т. д. — были не более чем консультацией с епископатом, что он провел переговоры со всеми патриархами, включая папу, и что все они согласились осудить «Три главы», и теперь лишь остается официально утвердить это всеобщее решение на Соборе⁴⁸. На последнем, 8-м заседании Собора (2 июня) был принят итоговый документ, завершающийся 14 анафемами. В документе одобрялось направление политики Юстиниана в последние годы. Собор решительно отверг все попытки истолковать Халкидонские определения в несторианском смысле (анафематствование 5 и 14) и повторил исповедание единства субъекта во Христе (анафематствование 3; этот вопрос действительно был не совсем ясным в антиохийской традиции, связанной с Феодором Мопсуестийским). «Теопасхизм» воспринимается 10-м анафематствованием: «Если кто-либо не исповедует, что Господь наш Иисус Христос, распятый во плоти, есть истинный Бог и Господь славы и один от Святыя Троицы, да будет анафема»⁴⁹. Наряду с халкидонским оросом о «двух природах» знаменитая кирилловская формула «одна природа Бога Слова воплощенного» была признана законной в свете халкидонского определения: специально оговаривалось, что здесь святой Кирилл употреблял слово «природа» в смысле «ипостась». Формула «единая природа» не должна впредь рассматриваться как аргумент ни в пользу Евтихия, ни против Халкидона. Тем самым, халкидонская формула была истолкована в приемлемых для всех смыслах, открывая дорогу для примирения с монофизитами. Осуждение «Трёх глав» приняло форму, которую дал ему Юстиниан в своём эдикте 544 г.

Позиция отцов Собора подразумевала некий методологический и терминологический плюрализм. Согласно V Собору, можно говорить и о «единой природе Бога Слова воплощенного», и употреблять халкидонскую терминологию. Можно даже согласиться с Севером, что две природы различаются лишь «умственно» (ἐν Θεορίᾳ), если принять и то, что обе они сохраняют все свои характеристики, конкретно явленные в жизни Христа. «Этот подход был подлинно “кафолическим”, и Собор — подлинно вселенским, — пишет А. Л. Дворкин, — ибо он ради отпавших согласился на плюралистическое использование терминов,

48 Дворкин А. Л. Эпоха императора Юстиниана и V Вселенский Собор // Альфа и Омега. 1997. № 1 (12). С. 366.

49 Мейендорф И., прот. Халкидониты и монофизиты после Халкидона // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. № 52. Париж, 1965. С. 234.

признав, что ни один из них не в состоянии выразить единую Истину. В этом смысле решения 553 г. можно назвать “экуменическими” в лучшем смысле этого слова, ибо они были приняты во многом ради заблудших, дополняя умолчания и терпеливо разъясняя то, что кого-то ранее могло scandalизировать»⁵⁰.

В 554 г. папа Вигилий, низложенный за отказ от участия в Соборе, раскаялся и заявил, что дальнейшее изучение отцов убедило его в еретичестве «Трех глав», и теперь он также присоединяется к решениям Собора и анафематствует их. Имя Вигилия было восстановлено в диптихах⁵¹.

На Востоке Собор был легко принят всеми, кроме монофизитов, — они так и не смогли поверить, что принятие Халкидона не станет отступлением от святителя Кирилла: раскол был уже укоренен, а необходимое взаимное доверие между «имперской» Церковью и монофизитскими общинами, после всех вмешательств императора Юстиниана в епископские назначения и смещения после кровавых столкновений на улицах Александрии и других городов, было безвозвратно утеряно.

Упорство монофизитов заставило Юстиниана вновь обратиться к богословским трудам. Новое обращение императора к дискуссии с монофизитами вызвало озабоченность в некоторых православных кругах. Возникли сомнения в православности самого Юстиниана. Историк Евагрий сообщает, что в 564 г. Юстиниан хотел издать декрет, навязывавший Церкви учение афтартодокетизма⁵². Евстратий, биограф константинопольского патриарха Евтихия, в своих агиографических трудах говорит о том, что Юстиниан отправил в ссылку константинопольского патриарха Евтихия, выступившего против опубликования декрета. Антиохийский патриарх Анастасий, по свидетельству Евагрия, был смещён Юстинианом с кафедры также за неприятие афтартодокетизма⁵³. Юстиниан умер в 565 г., так и не успев издать декрета.

Возникает вопрос: мог ли император-богослов издать декрет, поддерживающий учение крайних монофизитов — афтартодокетов? Не противоречит ли его издание богословским убеждениям Юстиниана? В византийской церковной историографии VI в., в христианской хронистике более позднего времени и в трудах современных византологов

50 *Дворкин А. Л.* Эпоха императора Юстиниана и V Вселенский Собор // Альфа и Омега. 1997. № 1 (12). С. 367.

51 Там же. С. 367–368.

52 *Геростериос Астериос.* Юстиниан Великий — император и святой. С. 222–223.

53 Там же. С. 223.

и богословов существует несколько направлений в подходе к изучению данного вопроса.

Из свидетельства Евагрия некоторые авторы черпают сведения для обвинения Юстиниана в принадлежности к афтартодокетизму. Свидетельства о еретичестве Юстиниана после Евагрия Схоластика — его «Церковной истории» — в порядке хронологии восходят от сдержанного «Юстиниан умер вдали от православной веры» (Георгий Амартол, «Хроника» — IX в.; Феофан Исповедник, «Хронография» — IX в.; Георгий Кедрин, «Исторический компендиум» — XI в.) до ярко выраженного «Юстиниан умер еретиком» (Иоанн Зонара, «Хроника» — XIII в.; Иоель, «Хронографы» — XIII в.; Михаил Глика, «Анналы» — XIII в.)⁵⁴. Эта точка зрения разделяется многими византологами и в XX в. (см., например: *Александр Шмеман, прот.* Исторический путь Православия. Париж, 1989. С. 212).

А. Л. Дворкин подходит к решению этого вопроса несколько иначе. Он пишет: «Афтартодокетизм был учением, которого придерживались некоторые монофизиты, утверждавшие, что Тело Христа было нетленным (ἄφθαρτος) еще до его Воскресения, и что, следовательно, Его человеческая жизнь на земле радикально отличалась от жизни других людей. Север резко отвергал это учение и боролся против него, дискутируя против его автора Юлиана Галикарнасского и египетских гайонитов. Тем не менее, афтартодокетизм не был специфически монофизитским учением, ибо некоторые его последователи, включая самого Юстиниана, были убежденными халкидонцами»⁵⁵. Как видим, А. Л. Дворкин говорит о том, что афтартодокетизму были подвержены не только монофизиты и халкидонцы, но и сам Юстиниан. Так ли это? — Существует другая точка зрения, сторонники которой отвергают обвинения Юстиниана в приверженности афтартодокетизму. Уже в актах Шестого Вселенского Собора при имени Юстиниана употреблялись выражения «свято почивший», «пребывающий среди святых» и т. д. В конце VII в. папа Агафон (678–682) в письме к императору Константину IV (667–685) писал о Юстиниане: «...ревнитель истинной и апостольской веры, блаженной памяти Юстиниан август, правота веры которого как приятна была Богу по своей чистоте, так и способствовала возвышению христианнейшего государства»⁵⁶. Константинопольский патриарх Фотий

54 *Геростергиос Астериос.* Юстиниан Великий — император и святой. С. 274–276.

55 *Дворкин А. Л.* Эпоха императора Юстиниана и V Вселенский Собор // Альфа и Омега. 1997. № 1 (12). С. 369.

56 См. в деяниях VI Вселенского Собора: Acta concilii oecumenici VI // Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / ed. Mansi J.-D. T. 11. Florentiae, 1765. Col. 269C–D.

в письме к болгарскому царю Михаилу по поводу Вселенских Соборов писал: «Юстиниан, могущественнейший из императоров, правил Римской империей, и его вера совпадала с верой Церкви»⁵⁷. В XII в. Юстиниан был причислен к лику святых. Ввиду всего вышесказанного мы считаем невероятным, чтобы Церковь, зная об афтартодокетизме Юстиниана, причислила его к лику святых. Более того, мы полагаем, что Юстиниан не был афтартодокетом. И наши утверждения не безосновательны. А. Кнехт, защищавший православие императора, подчеркивает следующее: «Можно с уверенностью сказать, что об автарзии, в смысле бесстрастности до Воскресения, Юстиниан не учил. Он говорил о тленности тела Христа, возвышенного в гипостатическом (ипостасном. — *из. Г.*) союзе»⁵⁸. Сам Юстиниан писал: «...Нас учили исповедовать, что страдания и бесстрастность были свойственны одному Лицу (*hypostasis*) Господа нашего Иисуса Христа, но не одной и той же природе»⁵⁹. Юстиниан учил, что поскольку Божественная и человеческая природы не смешиваются в их союзе, то тело Христа подвержено тлению, хотя Божественная природа является нетленной. В противоположность эдикту об афтартодокетизме Юстиниан ни в одном из своих сочинений не говорил о нетленности тела Христа до Воскресения. Тело Господне, согласно Юстиниану, стало нетленным только после Его Воскресения. Астериос Геростергиос считает, что Юстиниан никогда не издавал и не думал издавать декрет, вводящий афтартодокетизм. Этот поступок, по его мнению, шёл бы явно вразрез со всей предшествующей богословской деятельностью императора и никак не мог бы способствовать общей цели объединения⁶⁰. Астериос Геростергиос, указывая конкретные причины своего несогласия с обвинением Юстиниана в афтартодокетизме⁶¹, пишет следующее: «...Юстиниан был обвинен

57 *Photius. Epistulae* I, 8, 15:17–20 // PG. 102. Col. 644C:12–D:1. Рус. пер. цит. по: *Геростергиос Астериос*. Юстиниан Великий — император и святой. С. 278.

58 *Knecht A. Die Religions-Politik Kaiser Justinians I. Würzburg, 1896. S. 143.* Рус. пер. цит. по: *Геростергиос Астериос*. Юстиниан Великий — император и святой. С. 389.

59 *Justinianus. Tractatus contra monophysitas* // PG. 86. Pars 1. Col. 115B:1–4. Рус. пер. цит. по: *Геростергиос Астериос*. Юстиниан Великий — император и святой. С. 224.

60 *Геростергиос Астериос*. Юстиниан Великий — император и святой. С. 227–228.

61 Эти причины следующие:

I. Враг Юстиниана, епископ Северной Африки Виктор отмечает в своей хронике свержение Евтихия, однако никак не объясняет этого события. Если бы он знал что-нибудь о новом эдикте и о приверженности Юстиниана ереси афтартодокетов, он бы, конечно, специально отметил это обстоятельство, чтобы отомстить Юстиниану за собственную ссылку и заключение.

врагами своей религиозной политики в афтартодокетизме, то есть в крайнем монофизитстве. Мы считаем это обвинение ложным. В сочинениях Юстиниана, в его религиозной политике, наконец, в других современных источниках мы не находим никаких подтверждений этого обвинения. Единственное свидетельство Евагрия о том, что Юстиниан стал приверженцем афтартодокетической ереси и издал декрет, которым хотел навязать эту ересь Церкви, обязано своим появлением лишь сплетням врагов Юстиниана и ничему больше»⁶². Свидетельство биографа Евтихия Евстратия о связях Юстиниана с афтартодокетами Астериос Геростергиос отвергает на основании более позднего его происхождения⁶³.

Итак, рассмотрев основные направления церковной политики императора Юстиниана в канве конкретных событий церковно-государственных отношений и указав на концептуально различные мнения историков и богословов в подходе к изучению данного вопроса, мы считаем анахронизмом объяснять непосредственное вмешательство императора Юстиниана в богословские дебаты его времени как действия циничного политического деятеля, заинтересованного прежде всего в административном порядке и эффективном правлении. Император Юстиниан вполне осознавал, что решение христологических вопросов необходимо как для подлинного духовного благосостояния общества, так и для его собственного спасения. Насильственные меры, которые он считал необходимым предпринимать против тех, кто ему противился, были выражением обязанностей христианского императора, как он сам их понимал: награждать добродетель и исправлять ошибки своих подданных. Он не считал непогрешимым лично себя — и, следовательно, довольно часто менял тактику, — но и не думал, что кто-либо

II. Если бы Евтихий был смещён по этой причине, его преемник Иоанн Схоластик должен был бы принять декрет. Но у нас нет ровно никаких свидетельств о том, что Иоанн принял такой декрет и был привержен афтартодокетической ереси.

III. Папа Григорий Великий хвалит Юстиниана за его православие и никак не упоминает об эдикте. Он говорит, что патриарх Евтихий был оригенистом. В. Х. Хоттон и А. Кнехт считают, что оригенизм Евтихия и был причиной его смещения.

IV. Вернувшись на патриарший престол в 577 г., Евтихий не говорил о причинах своего смещения.

V. Епископ Иоанн Ефесский, в отличие от Евагрия, не упоминает о смещении Юстинианом Анастасия, а пишет о смещении его Юстином II (565–578) (*Геростергиос Астериос*. Юстиниан Великий — император и святой. С. 226–227).

62 *Геростергиос Астериос*. Юстиниан Великий — император и святой. С. 295.

63 Там же. С. 390.

иной может быть свободен от ошибок. Он, безусловно, принимал традиционную христианскую концепцию, согласно которой епископский собор был самым высоким и наиболее надёжным свидетельством об Истине, хотя иногда и считал, что заранее знает это свидетельство и пробовал посредством своих эдиктов о вере провести его в жизнь более «просто» и быстро. Характерно, что ни один из этих эдиктов не был принят Церковью сам по себе, и, в конце концов, все они обсуждались и дискутировались на собраниях епископов.

О Юстиниане часто говорят как о последнем римском императоре и первом византийском василевсе. В истории он остался не только как император-богослов, но в первую очередь как законодатель. Его знаменитый Кодекс вместе с дигестами и новеллами отразили его мечту о вселенском и христианском римском порядке. Через него римское право стало доступным и Западу, и Востоку, начиная с периода раннего Средневековья, и, через законодательство Наполеона, дошло до сегодняшнего дня. Протоиерей Владислав Цыпин замечает, что сегодня «в связи со светским правом можно говорить лишь о влиянии, но не о прямом действии римского права, а специфика церковного права такова, что в нём нормами действующего права являются акты, происхождение которых относится к древности, причем, не только каноны, но и законы римских (византийских) императоров, и прежде всего Юстиниана»⁶⁴.

Действительно, трудно переоценить вклад Юстиниана в историю церковных институтов, в дисциплинарное и нравственное законодательство, в византийское и средневековое понимание Церкви и общества. Основное направление законодательства Юстиниана следовало принципам, установленным во время Константина и Феодосия I. Но вклад Юстиниана был куда более всеобъемлющ. Несколько разделов Кодекса посвящены в мельчайших подробностях церковной собственности, обязанностям клириков, правам епископов в различных гражданских процессах, монашеской дисциплине и ограничениям в правах, накладываемым на еретиков. 6-я и 123-я новеллы являются полным уставом имперской Церкви, который основывается прежде всего на существующем каноническом праве, разработанном на соборах, но покрывает и области, не затронутые соборными канонами. Более всего известны правила о запрете женатого епископата, и формулировка института Пентархии.

64 Цыпин В., *прот.* 123-я новелла императора Юстиниана в ныне действующем церковном праве. [Компьютерная распечатка предоставлена автором.] 1997. С. 1.

Можно много говорить и писать о значении церковной политики императора Юстиниана. Но кто сможет по достоинству оценить его труды? — Церковь достойно оценила подвиги Юстиниана и прославила его в лике святых.

В I в. апостол Павел писал, что он «желал бы сам быть отлученным от Христа» ради спасения своих братьев (Рим. 9, 3). В XX в. святитель Тихон, патриарх Всероссийский, говорил следующее: «Пусть погибнет имя мое в истории, только бы Церкви была польза»⁶⁵. В этих апостольских и святительских словах выражена боль за судьбы народа, за судьбы Церкви Христовой. В своей церковной политике, в своих переживаниях за судьбу Церкви и империи император Юстиниан явил внутреннее единство со словами апостола Павла и святителя Тихона.

«Твоя от Твоих Тебе приносяще рабы Твоя император Юстиниан и Феодора», — эти слова, начертанные на престоле Святой Софии, как нельзя лучше определяют смысл всей жизни императора. Он не только «принес в жертву» Богу храм Святой Софии, но всю жизнь свою посвятил защите интересов Церкви, охранению её единства и распространению церковного учения в Империи и за её пределами. Вся жизнь императора Юстиниана была жертвенным служением Церкви Христовой.

Библиография

- Acta concilii oecumenici VI // Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / ed. Mansi J.-D. T. 11. Florentiae, 1765. Col. 189–922.
- Georgius Cedrenus*. Compendium historiarum // *Georgius Cedrenus* Ioannis Scylitzae ope / hrsg. von I. Bekker. 2 Bde. Bonn: Weber, 1838, 1839. (CSHB). Bd. 1: S. 3–802. Bd. 2: S. 3–638.
- Ioannes Malalas*. Chronographia // *Ioannis Malalae* chronographia / hrsg. von I. Thurn. Berlin; New York: De Gruyter, 2000. (CFHB. Series Berolinensis; Bd. 35). S. 3–432.
- Justinianus*. Codex Iustinianus // The Codex of Justinian: A New Annotated Translation with Parallel Latin and Greek Text / ed. B. W. Frier. 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- Justinianus*. Novellae // Corpus Iuris Civilis. Vol. 3: Novellae / ed. R. Schoell, W. Kroll. Berolini: Apud Weidmannos, 1912.
- Justinianus*. Tractatus contra monophysitas // PG. T. 86. Pars 1. Col. 1105–1145.
- Knecht A.* Die Religions-Politik Kaiser Justinians I. Würzburg: A. Göbel, 1896.
- Photius*. Epistulae I, 8 // PG. T. 102. Col. 628–696.
- Theophanes Confessor*. Chronographia // *Theophanis* chronographia / hrsg. von C. de Boor. Bd. 1. Leipzig: Teubner, 1883 (Hildesheim: Olms, r1963). S. 3–503.

65 Цит. по: *Вострышев М.* Патриарх Тихон. М., 1995. С. 277.

- Агафий Миринейский.* О царствовании Юстиниана. М.: Арктос, 1996.
- Васильев А. А.* Лекции по истории Византии. Т. 1. Петроград: тип. Я. Башмаков и К°, 1917.
- Вострышев М.* Патриарх Тихон. М.: Молодая гвардия, 1995. (Серия «ЖЗЛ»).
- Геростергиос Астериос.* Юстиниан Великий — император и святой / пер. с англ. прот. М. Козлова. М.: Сретенский монастырь, 2010.
- Дворкин А. Л.* Эпоха императора Юстиниана и V Вселенский Собор // Альфа и Омега. 1997. № 1 (12). С. 342–372.
- Деяния Вселенских Соборов. Т. V. Казань: Центр. тип., 1868.
- Диль Шарль.* Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. СПб.: тип. Альтшулера, 1908.
- Дьяконов А. П.* Византийские димы и факции (τὰ μέρη) в V–VII вв. // Византийский сборник. М.; Л.: Изд. и 1-я тип. Издательства Акад. наук СССР, 1945. С. 144–227.
- Кулаковский Ю. А.* История Византии: в 3 т. Т. 2. СПб.: Алетейя, 1996.
- Курганов Ф. А.* Император Юстиниан и его отношение к Церкви // Православный собеседник. Ч. 1–2. Казань, 1880.
- Мейендорф И., прот.* Халкидониты и монофизиты после Халкидона // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. № 52. Париж, 1965. С. 223–236.
- Нелюбов Б. А.* Древние Восточные Церкви. Сергиев Посад: СТСЛ, 1972. (Машинопись.)
- Оксюк М.* Теопасхитские споры // Труды Киевской Духовной Академии. Т. 1. Киев, 1913. С. 529–559.
- Соколов В. А.* Влияние христианства на греко-римское законодательство. СПб., 1878.
- Успенский Ф. И.* История Византийской империи, VI–IX вв. М.: Мысль, 1996.
- Флоровский Г., прот.* Догмат и история. М.: Изд. Св.-Владимир. Братства, 1998.
- Цыпин В. А., прот.* 123-я новелла императора Юстиниана в ныне действующем церковном праве // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1998. № 1(3). С. 120–124.
- Шиолошвили Илия, иерод.* Грузинская Церковь и попытка подчинить ее Римскому престолу // Православная мысль. № 1. Прага, 1959. С. 30–43.
- Шмеман А., прот.* Исторический путь Православия. Париж: YMCA-press, 1989.